

УДК 9.321

Нация на перепутье: бурятский панмонголизм в контексте геополитического противостояния России и Японии*

Б. В. Базаров

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

Аннотация. Рассмотрена тактика бурятских демократов в панмонгольском движении, проводивших свою политику, исходя из общественно-политической обстановки. Неясность, неопределенность будущего бурятского народа и его автономии в рамках Российского государства, раздираемого классовой борьбой и гражданской войной, заставляли искать обретение собственной государственности путем объединения монгольских народов. Автор уделяет значительное внимание позициям Японии, активно использовавшей идеи панмонголизма и усилившей свою агрессивную политику на Азиатском континенте. Анализируются как процесс создания единого панмонгольского государства, так и причины его несостоятельности.

Ключевые слова: нациестроительство, панмонголизм, геополитика, Забайкальская область, государство, демократы, Китай, Монголия, Япония, граница.

К 1919 г. бурятами был достигнут определенный рубеж в строительстве национальной автономии. На отдельной территории бурятских ведомств около двух лет действовали под руководством Бурнацкома органы национального самоуправления, которые были признаны советской властью в 1918 г., а затем и правительством Забайкальской области атамана Семенова. Тем самым цели национального движения, среди которых основной было обретение национальной автономии, к 1919 г. в основном формально были достигнуты. Тактика Бурнацкома в этот самый сложный период заключалась в стремлении сохранить национальные органы самоуправления. Лидеры национального движения видели большую опасность для бурят в столкновении двух сил русского народа – красных и белых. Бурятские деятели сочли, что в братоубийственной гражданской войне русского народа «бурятский народ будет раздавлен между двумя жерновами, если не будет использовано (пусть лицемерное) заигрывание атамана Семенова с бурятами и

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 36 «Историческая память и российская идентичность» по Проекту «Бурятская этничность в политических проектах: от Российской империи до современной России» (2015–2017 гг.).

монголами, а также сепаратистские уклоны Семенова от правительства Колчака». При этом лидеры бурятского национального движения знали, что за спиной атамана стояли японцы, но это обстоятельство их не страшило, поскольку японцы говорили Сампилову и другим бурятам: «...Вас, бурят, мы не только не будем трогать, мы не только не будем вмешиваться в ваши внутренние дела, но, наоборот, будем оказывать всяческое содействие вашим национальным стремлениям...» [5, с. 226–227].

В этих условиях лидеры национального движения, возглавлявшие Бурнардуму, встали перед выбором пути дальнейшего строительства автономии: 1) строить ли государственность в рамках России и в зависимости от нее – при доминировании иноязычного большинства с его культурой; 2) создать единое государственное объединение монгольских народов. В немалой степени неопределенность будущего бурятского народа и его автономии в рамках Российского государства, раздираемого в тот период классовой борьбой и гражданской войной, склонила чашу весов в пользу заманчивой идеи обретения собственной государственности путем объединения монгольских народов. Бурятские демократы оказались вовлеченными в панмонгольское движение.

В своем широко известном в связи с панмонголизмом письме Д. Сампилову, написанном в конце 1918 г. [6, с. 126], Э.-Д. Ринчино говорит об идее объединения монгольских народов в единое государственное образование. В этом плане он апеллирует тем, что «старый Нацком полагал, что Маньчжурия и Восточная Монголия будут находиться всецело в сфере ведения Японии; Монголия южная, северная и западная с включением бурят образует самостоятельное буферное государство. Причем буряты должны переселиться в Халху или передвинуты к границам Забайкалья с обменом земель. И если удастся объединить Юг и Север Монголии, то образуются два государства, причем Юг будет находиться под приоритетом Японии. Создание Центрально-Азиатского государства... по мнению старого Нацкома, казалось соответствующим интересам Японии в стратегическом и политическом отношении».

В этих строках бывшего председателя Бурятского национального комитета отчетливо прослеживается то, что в умах национальных деятелей к этому времени сформировалась идея образования независимого монгольского государства. Появление такой идеи объясняется реалиями национального движения бурят. Дело в том, что Бурнацком с момента своего образования в 1917 г. практически самостоятельно руководил органами национального самоуправления, был признан советской властью, а после ее падения – правительством атамана Семенова. Э.-Д. Ринчино подчеркивает особую роль бурят в образовании нового государства, полагая, что монголы и другие народы Центральной Азии «слишком примитивны и изъедены буддийским клерикализмом и мало годятся, как активный материал для создания этого государства», и поэтому «здесь мы, буряты, наиболее культурная сравнительно нация, сыграли бы и сыграем, по-видимому, большую роль».

Следует сказать, что Япония активно использовала идеи панмонголизма. С момента Октябрьской революции, считая Россию ослабевшей, а Европу и Америку надолго запутавшимися в своих делах, Япония с особой энергией усиливает свою агрессивную политику на Азиатском континенте. Японская пресса активно пропагандирует азиатский вариант «Доктрины Монро» [3, с. 102] и возобновляет кампанию «Хакабатцу» (белая опасность), призывая желтые расы объединиться для борьбы с белыми. Кампания «Хакабатцу» была впервые начата в 1903 г., накануне Русско-японской войны, бывшим министром Такутами, редактором популярной в Японии газеты «Какшин-Шинбун». Японцы организывают паназиатское общество с боевым девизом «Азия для азиатов». Это общество выпускает ряд брошюр на китайском и других языках, печатает в китайских газетах через своих агентов статьи о «белой опасности». Во всех этих брошюрах, статьях, манифестах утверждается, что во главе паназиатского освободительного движения должна стать Япония, показавшая свою способность бороться победоносно с белыми и являющаяся авангардом всей Азии в великом движении против белой опасности [2, с. 12].

За все время колчаковщины Япония успешно подготавливала почву для распространения своего влияния на русские дальневосточные окраины и на сопредельные с ними области Китая и Монголии. Она развернула широкую программу «натиска на запад», которая намечала объединение южной части Забайкалья, русского Дальнего Востока, всей Монголии – от Сибири до Тибета и Северной Маньчжурии в одно государство. Эта монголо-бурятская держава, по мысли Японии, должна была отдать в руки японцев весь центр и северо-восток Азии, отрезать Сибирь и Россию от Великого океана и создать базис для установления владычества Японии на Азиатском материке. В случае удачи этого плана предполагалось втянуть в орбиту японского влияния если не весь Китай, то, по крайней мере, Северный Китай. Начало деятельности в этом направлении атамана Семенова, которому была предоставлена помощь Японии и пожалован титул монгольского князя, относится к середине 1918 г., когда японцы повели пропаганду среди бурят и монголов об образовании «Великого Монгольского государства» под протекторатом Японии. В Барге эта пропаганда вначале не имела успеха, но когда в январе 1919 г. китайцы стали усиленно говорить об уничтожении Баргинской автономии и о посылке туда своих войск, то баргинцы заволновались и стали изыскивать способы противодействия китайцам, и поскольку баргинцы считали, что их стремления одинаковы со стремлениями и задачами Внешней Монголии, они склонялись к мысли об образовании монгольского государства [4, с. 591].

Надо сказать, что в японских военных и политических кругах не было единого мнения на проблему создания панмонгольского государства; сторонники – милитаристские круги избрали своим манифестом «меморандум» военного министра Японии Танаки, а противниками создания панмонгольского государства были буржуазно-либеральные круги Японии, которые имели значительный перевес в правительстве [1, с. 70]. Идеи панмонголизма

импонировали военным кругам, целью которых был захват Забайкалья и Дальнего Востока. Никто не сомневался, что если на карте появится «Великая Монголия», она будет целиком зависеть от Токио, поскольку ее милитаристские круги давно стремились утвердить свое влияние в центре Азии, чтобы оттуда контролировать и Туркестан, и Тибет, через который открывался путь в Индию, и, конечно, Северный Китай. «Монгольский ключ подходил ко всем этим священным воротам азиатского материка» [7, с. 54].

Осуществлению идеи создания общемонгольского государства были посвящены две конференции. 25 февраля 1919 г. в Чите, на территории, подвластной атаману Семенову, начала свою работу первая конференция представителей различных монгольских племен. Приглашения были разосланы всем частям этнографической Монголии, кроме Синь-Цзянской провинции; прибыли 16 делегатов от различных частей Внутренней Монголии, Барги, Забайкалья. Съезд открылся под председательством Нейсэ-гэгэна, который играл на съезде заметную роль. Буряты на этом форуме представляли: Э.-Д. Ринчино (от баргузинских бурят), Цыдыпов (от хоринских), Н. Дылыков (от агинских), Бимбаев (от селенгинских), Б. Вампилон (от иркутских бурят), Д. Сампилон (от Бурнацкома). Посланцев от Халхи на съезде не было. Несмотря на приглашение, ургинский Богдо-гэгэн делегатов на съезд не прислал, командировав гонца с письмом, в котором руководство Внешней Монголии выразило свое сочувствие затеянному делу и обещало, безусловно, присоединение к новому общемонгольскому государству, если только оно будет утверждено Версальской конференцией – особенно Америкой и Японией. Таким образом, правительство Богдо-гэгэна не пожелало участвовать в работе конференции, чем сразу поставило под сомнение успех всего дела.

Работа первого панмонгольского съезда проходила бурно. Открывая его, Нейсэ-гэгэн выступил с краткой речью, смысл которой состоял в том, что в настоящее время настал удобный момент для нового объединения единых во времена Чингисхана монгольских племен, разрозненных и находящихся под властью Китая и России, в одно государство [4, с. 594;]. Но уже в первый же день среди делегатов выявились разногласия. Активный участник съезда Ринчино отмечает: «Как следовало ожидать, на съезде сразу же произошел раскол». Это было связано с тем, что баргинец Фушан и внутренний монгол Фушенга, выражая мнение части делегатов, выдвинули вопрос о борьбе за восстановление маньчжурской династии, которая, по их мнению, и должна была даровать всяческие права для Монголии [5, с. 231]. Против этой точки зрения резко и определенно выступил Ринчино, доказывавший, что «Монголия не имеет никакого отношения к Маньчжурской династии и что нельзя кровь и достояние монгольского народа тратить на это чуждое Монголии дело». Буряты – делегаты съезда поддержали Ринчино, который активно предлагал свое видение монгольской проблемы. Суть его точки зрения заключалась в следующем: «Монголия должна стать независимой федеративно-демократической республикой...». Он выражал уверенность, что буряты готовы бороться за эту идею и за такую постановку вопроса. Ринчино пи-

шет, что сторонники восстановления маньчжурской династии стояли на своем и первый день конференции кончился без особых результатов.

На втором заседании конференции в результате закулисных комбинаций сторонники восстановления маньчжурской династии молчали при одобрении председателя съезда Нейсэ-гэгэна и партизана Нуримпила. В итоге конференция приняла постановление об образовании независимого федеративного «Велико-Монгольского государства», куда должны были войти все монгольские народы от Байкала до Тибета и от Маньчжурии до Восточного Туркестана. В новое государство на правах федерации должны быть включены четыре аймака: Внешняя Монголия, Внутренняя Монголия, Барга и земли забайкальских бурят. Таким образом, территория «Великого Монгольского государства» простиралась бы от хребта Большой Хинган на востоке до Тяньшаня на западе и от Байкала на севере до Тибета на юге.

Конференция выработала конституцию будущей «Великой Монголии», признающей равенство составных частей государства. Делегаты съезда издали Временное правительство во главе с премьером – одним из высших лам Внутренней Монголии, популярным религиозным деятелем – Нейсэ-гэгэгом, а Э.-Д. Ринчино был назначен советником правительства, которое состояло из четырех министров – военного, внутренних дел, финансов и иностранных дел. Ц. Жамцарано заочно получил портфель министра иностранных дел (впоследствии он отказался от этого поста). Б. Вампилон был назначен товарищем министра финансов. Для защиты нового государства создавалась монгольская армия, в которую постановили призвать из Внутренней Монголии 20 тыс. человек, из Внешней Монголии – 6 тыс., из Бурятии – 3 тыс., из Барги – 1 тыс. Армия должна была комплектоваться в соответствии с количеством населения каждой части государства. Атаман Семенов обещал снабдить армию Временного правительства необходимым вооружением и построить казармы на 20 тыс. человек на границах Внешней и Внутренней Монголии и Барги [5, с. 232]. Для содержания войск съезд постановил оформить заем у иностранного государства под обеспечение природных богатств – золота, серебра, соли, соды и минеральных источников – сроком на 20 лет. Столицу нового государства решено было построить в местности соединения Соельджи – на границе между Баргой, Внешней и Внутренней Монголией. Временной резиденцией правительства стал г. Хайлар, главный город Барги, но из-за оккупации китайскими войсками Чжан-Цзо-лина правительство остановилось на ст. Даурия Забайкальской железной дороги. В дальнейшем оно стало именоваться Даурским правительством.

С целью признания нового государства мировым сообществом конференция решила послать делегацию на Парижскую мирную конференцию с просьбой признать самостоятельное Монгольское государство и составила обращение к президенту США о поддержке. Были избраны четыре делегата, по одному представителю от всех аймаков: от Внутренней Монголии – Наймань-ван; от Барги – Линшен, от бурят – Ринчино, и также предложено Внешней Монголии послать своего представителя. Были приняты деклара-

ция от имени Временного правительства Великой Монголии и личная декларация главы государства – Нейсэ-гэгэна.

Смысл декларации от имени правительства сводился к аргументации причин объединения раздробленных монгольских племен и необходимости образования «отдельного полноправного монгольского государства», в ней говорилось о тяготах жизни монголов, что «никакие пожелания монголов не могут быть проявлены, и все делается по воле одних китайцев, которые давят нас или военной силой, или при помощи разных ухищрений...». В отношении бурят в декларации было заявлено: «Монгольский аймак бурят, бывших в российском подданстве, тоже вследствие неоднобразия в религии и обычаях, утратил свои экономические интересы, и каждый бурят ожидает уже давно того случая, когда будет возможность обеспечить себе спокойное проживание» [4, с. 599]. Так объяснялось включение бурят в состав нового государства.

Нейсэ-гэгэн как глава «общемонгольского» государства в своей личной декларации просил делегатов конференции «вникнуть во все претерпеваемые монголами бедствия... отмежевать от Китая находящуюся вне Великой стены, вполне отчетливую первоначальную монгольскую территорию и учредить особое полноправное государство, чтобы не дать нам окончательно исчезнуть с лица земли...», далее он подчеркивал, что «если монгольское дело на конференции не будет выражено, то мы все равно не будем сложа руки ждать, чтобы наша самобытность была уничтожена и чтобы вследствие этого причинить бедствия на десятки тысяч поколений нашим потомкам, а будем до последней капли крови вести войну, чтобы полностью получить первоначальные свои коренные земли». Но представителям монгольского временного правительства, делегированным на Парижскую мирную конференцию, не удалось добраться до Парижа, их путь прервался в Японии: послы союзных держав Франции и США, к которым делегаты обратились с просьбой допустить их на конференцию, отказали в визе, Япония также не поддержала монгольских представителей.

Летом 1919 г. в Чите состоялась новая панмонгольская конференция, в работе которой приняли участие, помимо Временного правительства, представители бурят и баргутов. На конференцию был приглашен и атаман Семенов. Ринчино выступил с критикой правительства, ряд членов которого придерживался японской ориентации, тогда как учредительная конференция – независимой политики. Он вновь отстаивал идею о необходимости «нейтрализации Монголии и превращении ее в центральноазиатскую Швейцарию», доказывал, что ориентация на Японию вредна и для России, и для Монголии. Ринчино предложил делегировать за границу собственную всемонгольскую делегацию, которая должна была пропагандировать в Европе идею монгольской независимости через социалистические партии и печатные органы. Конференция приняла это предложение, а Ринчино сам вызвался сопровождать ее, что также было одобрено делегатами. Но через некоторое время посылка делегации была отменена монгольским большинством Временного правительства без объявления мотивов.

Какой была связь Даурского правительства с составными частями «Великой Монголии»? Контакт с Внутренней Монголией был затруднительным из-за принятых Китаем чрезвычайных мер, но отдельные вооруженные группы монголов, недовольных китайским режимом, пробивались в Даурию, порой даже с боями, и с энтузиазмом пополняли войска Временного правительства. Ринчино отмечает, что китайцы, конечно, всячески тормозили это пополнение. Так, ими был отравлен монгольский князь Палта Торгоугский, человек весьма популярный, знатный и умный, получивший европейское образование. Его связывали личное знакомство и дружба с рядом бурятских демократов. Князь был отравлен за попытку связаться с Даурским правительством, с тем чтобы увлечь за собой синьцзянских монголов. Саботировали также панмонгольское движение баргуты из-за провала их идеи о восстановлении маньчжурской династии; члены Временного правительства из баргутов не заняли своих должностей, равно как не выполнили своего обязательства мобилизовать в армию 1 тыс. всадников.

План создания «Великого Монгольского государства» без Халхи был нежизнеспособен, и это отчетливо осознавалось всеми участниками панмонгольского движения. Внешняя Монголия продолжала упорствовать в вопросе присоединения к панмонгольскому движению. С целью решения этой проблемы в конце мая в Чите состоялась новая конференция бурятских и монгольских деятелей, на которой обсуждался вопрос о присоединении Внешней Монголии к панмонгольскому движению. Было решено послать в Ургу делегацию в составе Линшена, Цыдыпова и Дамдинцерепа с предложением Богдо-гэгэну подключиться к панмонгольскому движению и даже занять трон будущего Монгольского государства. В случае же отказа было решено идти походом на Внешнюю Монголию. Посланная Нейсэ-гэгэном делегация не была принята «Многими возведенным». В результате план создания «Великой Монголии» без участия Внешней Монголии стал бессмысленным.

Подрывало движение также и то, что внутри самих участников панмонгольского движения и среди членов Временного правительства не было единства, отчетливо выявились сторонники маньчжурского правления, которые ратовали за союз с монархистами Маньчжурии, японскими империалистами. В правительстве имелось и демократическое крыло. Конфликт был настолько сильным, что группа маньчжуристов составила настоящий заговор. Ринчино пишет, что заговорщики должны были захватить главу правительства, расстрелять бурятских лидеров, бурятскую бригаду народной милиции, обезоружить, забрать все оружие и уйти в Маньчжурию. Но заговор был раскрыт, и несколько десятков монархистов маньчжурско-японской ориентации правительство расстреляло. В 1919 г. «Великое Монгольское государство», не успев фактически состояться, распалось, премьер-министр Нейсэ-гэгэн был расстрелян китайцами.

Бурятские демократы проводили свою политику, исходя из общественно-политической обстановки. Неясность, неопределенность будущего бурятского народа и его автономии в рамках Российского государства, переживающего классовую борьбу и гражданскую войну, заставили искать обре-

тение собственной государственности путем объединения монгольских народов. Большой интерес к образованию панмонгольского государства проявили различные круги – Япония, атаман Семенов, каждый из которых преследовал свои собственные цели. Идея политического объединения монгольских народов в единое государственное образование, оторванная от реалий жизни, не удалась. Может, поэтому идентичность бурят конструировалась в контексте российской социально-политической действительности, и интеграция в российское политическое и культурное пространство становилась «столбовой дорогой» развития бурят, а перспектива интеграции в монгольский мир превращалась во все более призрачную и нереализуемую альтернативу?

Список литературы

1. Курас Л. В. Панмонголизм и атаман Семенов // Владимирцовские чтения IV. – М., 2000. – С. 70.
2. Павлович Мих. (М. Вельтман). РСФСР в империалистическом окружении. Японский империализм на Дальнем Востоке / М. Павлович. – М. : Красная новь, 1923. – 145 с.
3. Селищев А. С. Японская экспансия: люди и идеи / А. С. Селищев. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 1993. – 256 с.
4. С-кий А. Ф. Япония в «панмонгольском движении» // Новый Восток. – 1922. – № 2. – С. 591.
5. Элбек-Доржи Ринчино о Монголии. Избр. тр. / сост. Б. В. Базаров, Б. Д. Цыби-ков, С. Б. Очиров. – Улан-Удэ : Ин-т монголоведения, буддологи и тибетологии СО РАН, 1998. – 255 с.
6. Элбек-Доржи Ринчино. Документы, статьи, письма. – Улан-Удэ : Редакцион.-издат. отд. Минпечати Респ. Бурятия, 1994. – 234 с.
7. Юзефович Л. Самодержец пустыни (Феномен судьбы барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга) / Л. Юзефович. – М. : Эллис Лак, 1993. – 272 с.

Nation at the Crossroads: the Buryat Pan-Mongolism in the Context of Geopolitical Opposition of Russia and Japan

B. V. Bazarov

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Ulan-Ude

Abstract. In the article considered the tactics of the Buryat democrats in the Panmongolian movement, pursuing the policy proceeding from a social and political situation. The ambiguity, vagueness of the Buryat people's future and its autonomy within the Russian state which is torn apart by class fight and Civil war forced to look for finding of own statehood by association of the Mongolian peoples. The author pays considerable attention to positions of Japan, actively using the ideas of Panmongolism and strengthened the aggressive policy on the Asian continent. Both processes of creation the uniform Panmongolian state, and the reason of his insolvency are analyzed in this article.

Keywords: nation-building, Panmongolism, geopolitics, Transbaikal region, state, democrats, Mongolia, Japan, border

Базаров Борис Ванданович

*доктор исторических наук, профессор,
академик РАН*

*Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН*

670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

тел.: 8(3012)43-35-51

e-mail: bazarov60@mail.ru

Bazarov Boris Vandanovich

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Institute for Mongolian, Buddhist and Ti-
betan Studies SB RAS*

Academic of the RAS

6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047

tel.: 8(3012)43-35-51

e-mail: bazarov60@mail.ru